

Во рту у Е Тао был легкий горьковатый аромат чая, который нравился Чжоу Цзыцяню; от тела Е Тао исходил приятный травяной запах, который тоже нравился Чжоу Цзыцяню; губы и язык Е Тао были мягкими, но он не позволял собой управлять. Не в силах избежать настойчивости Чжоу Цзыцяня, Е Тао решился ответить на поцелуй и в тот момент, когда Чжоу Цзыцянь не ожидал, больно укусил его. От этого во влажном поцелуе появился привкус крови.

Рука, сжимавшая затылок Е Тао, переместилась на спину. Чжоу Цзыцянь, придерживая худую спину Е Тао, прижал его к дивану и поцеловал еще более настойчиво и страстно. Е Тао пассивно принимал все, чему не мог сопротивляться, его дыхание сбивалось, грудь вздымалась, и он был полностью окружен присутствием Чжоу Цзыцяня, словно мотылек, попавший в паутину, чьи попытки вырваться казались совершенно бессильными.

Мысли Е Тао были в замешательстве, сознание слегка помутнело, и когда он уже собрался прекратить эти бесполезные попытки, теплая рука проникла под край его одежды.

Хотя здоровье Е Тао было слабым, это молодое тело благодаря постоянным травяным ваннам было нежным и гладким, как теплый нефрит. Это тоже нравилось Чжоу Цзыцяню, но он не рассчитал силу, и его прикосновения вызвали у Е Тао щекотку. Е Тао, словно кошка, которой дернули за хвост, издал невнятный звук и в судороге резко подогнул колено. Рука на его пояснице тут же переместилась и крепко перехватила ногу Е Тао.

Чжоу Цзыцянь легонько укусил Е Тао за уголок губ, посмотрел на того, у кого покраснели даже уголки глаз и уши, и с улыбкой сказал:

— Опасно, чуть не лишился я мужской силы.

Е Тао, который даже под холодными насмешками Ань Чэнсюаня не менялся в лице, теперь расширил глаза: на лице, кроме легкой красноты после страстного поцелуя, читался гнев:

— Убирайся!

Чжоу Цзыцянь сел и помог Е Тао подняться. Е Тао, словно сдерживаясь, закрыл глаза, а потом поднял руку, чтобы потереть правое запястье.

Чжоу Цзыцянь заметил это и спросил:

— Потянул?

Е Тао молча потер запястье какое-то время, лишь спустя долгое мгновение произнес:

— Насилие, лицемерие, деспотизм, высокомерие. Скажи сам, что в тебе привлекательного?

Впервые Чжоу Цзыцяня раскритиковали так беспощадно, да еще и человек, который ему нравился. Но он не чувствовал себя пораженным или униженным, а, наоборот, рассмеялся от упреков:

— Я настолько плох? Ты же только что меня хвалил.

Е Тао тоже рассмеялся, но это был смех от злости:

— Я ослеп.

Е Тао не сказал это в порыве гнева, не выбирая слов, он действительно считал, что у Чжоу Цзыцяня много недостатков, и даже в характере есть изъяны. Просто он умел притворяться, и

перед людьми держался мягким и благородным, пока его по-настоящему не злишь, эта маска надежно сидела на нем, скрывая большую часть недостатков и показывая лишь лучшее.

Но именно такой двуличный человек, когда проявлял заботу, был искренне заботлив. Е Тао был под его опекой два года, и даже зная, что эта нежность предназначалась Чжоу Юньси, невольно оказался под влиянием и постепенно поместил его в свое сердце, а вытащить его оттуда было уже не так просто.

Е Тао несколько раз злился на его фамильярность не потому, что действительно сердился, а из-за страха, что выдаст свои чувства к нему. Но Е Тао был человеком, который не показывал радости и гнева, и постоянное использование гнева как маски могли считать за попытку скрыть очевидное. Сердиться было неправильно, не сердиться — тоже, укрываться не получалось, и даже его самое главное умение — холодность и игнорирование — один раз за другим ломалось из-за этого лиса. Е Тао просто не знал, что делать.

Е Тао отложил кисть, посмотрел на свиток «Сутры Лотоса», который переписал уже большую часть, и вздохнул.

Баобао, дремавший на краю стола, услышал звук и открыл глаза, заглянул — на бумаге расплылось пятно чернил. Баобао понял, почему Е Тао вздохнул: не из-за капли чернил, которая испортила сутру, а потому что он снова отвлекся при переписывании. Переписывание сутр предназначалось для успокоения сердца, но сердце Е Тао было не спокойно, дух не спокоен, все труды пропали зря.

Баобао подошел к чернильнице, сунул туда маленькую лапку, зачерпнул немного чернил и прикрыл ту каплю. Подняв лапу, он увидел на бумаге маленький отпечаток кошачьей лапки.

Баобао поднял голову и мяукнул на Е Тао: «Хорошо, нету, улыбнись».

— Отличное исправление. — Е Тао не заставил себя улыбаться, лишь разгладил мелкие морщинки между бровей. Баобао беспокоился о нем, и он, как бы плохо ни себя чувствовал, не мог позволить ребенку волноваться.

Е Тао взял полотенце, чтобы вытереть лапку котенка, который его развлекал, но в процессе остановился и, прислушавшись к звукам, посмотрел в окно.

Сяо Чэн и один парень с переднего двора переносили вещи в боковую комнату, один за другим неся ларцы, внутри которых были подарки ко дню рождения молодого господина из семьи Чжоу. День рождения Баобао в человеческом облике был два дня назад, и хотя не отпраздновали его с пышным банкетом, как большинство богатых отпрысков, близкие друзья и родственники, как и в прошлые годы, прислали подарки. Дядюшка Чжоу должен был записать это, чтобы потом вернуть подарки, поэтому вещи временно лежали в южной комнате. Сегодня, когда все закончили, дядюшка Чжоу велел перенести вещи в специальную комнату для хранения. Сяо Чэн с парнем уже ходили туда-сюда два-три раза, но работали легко, не создавая большого шума, пока вернувшийся снаружи Чжоу Цзыцянь не встретил их во дворе, и только тогда они поздоровались.

Услышав их разговор, Е Тао обернулся и посмотрел, затем сразу же отвел взгляд. Из-за того, что как ни относишься — все неудобно, как только Чжоу Цзыцянь заканчивал работу, он чувствовал внутреннее смятение и лишь желал, чтобы у того работы было завалы и некогда было обращать на него внимание.

Чжоу Цзыцянь как назло не шел ему навстречу: стоило ему вернуться домой, он обязательно

заходил в комнату Е Тао взглянуть, иногда даже ужин подавали на чайный стол в комнате Е Тао, после еды пили чай для пищеварения и сопровождали Е Тао на прогулку, короче говоря, разными способами не давали Е Тао покоя.

Отодвинув дверную занавеску, Чжоу Цзыцянь вошел, увидел Е Тао и улыбнулся еще до того, как что-то сказал, та улыбка была ни слишком большой, ни слишком маленькой, самой приятной для глаза.

Лицо Е Тао было безразличным, но в душе он вздохнул. Это настоящий бич, каждое приближение и каждая улыбка истощают его силу воли, и с каждым разом все сильнее. Какой мужчина выдержит такое шлифование? Если так продолжится, рано или поздно он попадет в лапы этого бича.

— Что ешь? — Чжоу Цзыцянь с легкой улыбкой взял со стола свиток из бумаги, заметил тот самый отпечаток кошачьей лапки и легонько стукнул Баобао по голове:

— Неудивительно, что он недоволен, ты опять проказничаешь. Хочешь пойти спать в клетку?

Баобао, прикрывая лапкой голову, про себя подумал: «Я только хотел его развлечь, а вот тебя, старика, не соблюдающего приличия, стоило бы посадить! Как только видишь, что никого нет, сразу хватаешь его, обнимаешь, целуешь, а то и неожиданно целуешь в губы. Не то что он не выдерживает тебя, я раз увижу — на несколько дней ослепну!»

— Не расстраивайся. — Чжоу Цзыцянь отложил сутру и сказал тоном, которым утешают детей:

— Иди переодевайся, я отвезу тебя поиграть в дом Гуань.

— Не пойду. — Е Тао еще несколько дней назад получил приглашение от молодого господина Гуань. У того ребенка доброе сердце, он боялся, что Е Тао дома скучает, и всегда хотел создать для него возможность выйти на прогулку. По идее, не стоило отвергать его доброту, но в последние дни он и так не мог найти покоя, и у него не было настроения отвечать на что-либо еще.

— Гуань Бинь специально звонил мне и просил взять тебя с собой. — Чжоу Цзыцянь забрал у него сутру и с улыбкой сказал:

— Он не дождетя, когда у Хэй Доу родятся котята, поэтому пару дней назад приютил выводок котят, которых только что отлучили от груди, и хочет научиться у тебя, как растить их такими умными, как Баобао. Он сказал, что если ты не пойдешь к нему и не передашь секреты, то в выходные он приведет кошек к тебе домой просить совета.

В конце концов Е Тао не смог противостоять этому упорному и терпеливому мужчине и позволил ему, естественно и ласково обняв его за плечи, вывести из дома.

Особняк Гуань в столице был куплен Гуань Цзиньжуном для сопровождения учебы, это был жилой комплекс в районе школы, и он был довольно далеко от дома семьи Чжоу. Туда доехали нормально, просто было немного пробок, что заняло какое-то время. Заторы в столице — норма, и пробки такого уровня не стоят упоминания. Только обратный путь оказался не таким удачным: машина, которая обычно отлично обслуживалась, неожиданно сломалась и оставила нескольких человек на полпути.

У автора есть что сказать:

Ю: Дядюшка, дядюшка, дай интервью. Ты действительно ухаживаешь за дядюшкой Е Тао? Ты уверен, что не губишь себя?

Чжоу Цзыцянь без маски: Дядюшка? Тебе ли меня так называть? Тебе разве можно соваться в мои дела?

Ю: ...

PS: На самом деле я хотела лишь сказать, что моя неприязнь к нему не безосновательна. Этот парень просто невыносим!

<http://bllate.org/book/17687/1650263>